

Шувалова Юлия Борисовна

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ)

В статье анализируются факты открытия на территории Пермской епархии в годы Первой мировой войны памятников, посвященных землякам, погибшим на фронте. Документальные источники позволяют проанализировать процедуру открытия памятника-символа. Церемония была стандартной, связанной с христианской символикой; характеризовалась массовостью и торжественностью обрядовой стороны. Автор подчеркивает особую роль в рассматриваемом событийном ряде епархиального духовенства - от идеи создания, сбора средств до момента освящения памятника и проведения планируемых ежегодных религиозных церемоний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/59.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Шигурова Т. А. Ритуальный национальный костюм как способ социально-культурной идентификации его владельца // Регионоведение. 2010. № 3. С. 298-305.
17. Шигурова Т. А. Семантика холста в традиционном костюме мордвы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 1. С. 219-222.
18. Шигурова Т. А. Традиционный женский костюм в аспекте этногенеза мордовского народа // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 107-111.
19. Шигурова Т. А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы: дисс. ... к.и.н. Саранск. 2003. 301 с.

SEMANTICS OF THE TRADITIONAL ERZYA SHIRT STYLE

Shigurova Tat'yana Alekseevna, Doctor in Culturology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University in Saransk
shigurova_tatyana@mail.ru

The article examines the style of the traditional Erzya shirt. According to the author, the style is materialized implementation of specificity of ancient cultures participating in ethno-genesis of the Mordva people. The Erzya shirt ("panar", "palya", "pokai") is a rarity, which has preserved "memory of culture" of ancient agriculturalists of the Middle Volga region.

Key words and phrases: Mordvinian culture; genesis; binarity of ethnos; Erzya shirt; style; sign.

УДК 94(47)“1914/19”

Исторические науки и археология

В статье анализируются факты открытия на территории Пермской епархии в годы Первой мировой войны памятников, посвященных землякам, погибшим на фронте. Документальные источники позволяют проанализировать процедуру открытия памятника-символа. Церемония была стандартной, связанной с христианской символикой; характеризовалась массовостью и торжественностью обрядовой стороны. Автор подчеркивает особую роль в рассматриваемом событийном ряде епархиального духовенства – от идеи создания, сбора средств до момента освящения памятника и проведения планируемых ежегодных религиозных церемоний.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; памятники; епархиальное духовенство; ритуал; христианская символика; Пермская епархия.

Шувалова Юлия Борисовна, к.и.н., доцент

Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. Н. Прянишникова
schuwaljul@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ)

Изучение периода Первой мировой войны – судя по научным дискуссиям и появляющимся фундаментальным трудам [11; 17; 18; 25] – подошло к стадии обобщения. Однако вопросы, связанные с этим периодом, до конца не исчерпаны. Концентрация исследовательского интереса на военных событиях, дипломатии, социально-экономических и политических тенденциях общероссийского масштаба постепенно уступает место региональной проблематике: изучению процессов трансформации социокультурной жизни провинциального общества, повседневных практик населения, отношения различных социальных групп к войне [2; 3; 15; 26; 27].

В то же время ряд событий, например, случаи увековечивания памяти о подвигах земляков-ратников, на историческом материале провинциальных губерний не рассмотрены даже на примере частных случаев.

Официально идея сооружения памятников погибшим на фронтах Первой мировой войны и умершим от ран воинам была высказана в предложении Александровского комитета о раненых уже в сентябре 1914 г. Можно предположить, таким образом, что факты создания мест памяти Первой мировой войны на территории Пермской губернии не являются исключительными в отечественной истории. Однако о ситуации в других губерниях судить сложно, т.к. в исследованиях подобного рода примеры не приводятся. Формат планировавшихся к устройству мест памяти – «хотя бы примитивного устройства, в виде часовни, крестов, каменных столбов и т.п.» [9, д. 8, л. 16 – 16 об.], – уже адресует к основным инициаторам события – православным верующим и епархиальному духовенству.

Гражданская позиция Православной Российской Церкви в период Первой мировой войны довольно подробно рассмотрена в региональных исследованиях. Изучена степень участия епархиального духовенства в мобилизации тыла на нужды военного времени, в частности, такие мероприятия как сбор пожертвований, уход за больными и ранеными воинами, поминальные службы, молебны [5, с. 27-28; 6, с. 161, 167-168; 13, с. 176-186]. В целом, можно утверждать, что духовенство в период Первой мировой войны являлось не просто носителем культурных норм и традиций, но и активным субъектом социально-политического действия. При этом на местах была выработана довольно эффективная модель взаимоотношений светской и религиозной властей.

География изучения фактов создания мест памяти периода Первой мировой войны в данной статье ограничена территорией Пермской епархии (в границах 1914 г., без Екатеринбургского викариата). Сравнительная изученность различных сторон общественной и религиозной деятельности Православной Российской Церкви в годы Первой мировой войны на материалах епархии дает необходимый исторический контекст и позволяет сосредоточиться на конкретных церемониях, проводимых местным духовенством и связанных с обустройством особых мест поминовения погибших земляков-единоверцев.

Пермская губерния – тыловая территория. Значительная часть ее мужского населения была мобилизована на театр военных действий. Непосредственных поводов к установке памятников, тем не менее, было мало: умершие раненые были сравнительно редким явлением, поскольку, ввиду отдаленности от эпицентра событий, в губернию поступали нижние чины и офицеры преимущественно с легкими ранениями. Лазареты размещались в губернском и уездных городах, в нескольких заводских центрах. Места памяти, на которых фокусируется внимание в нашем случае, возникали именно как символы-памятники, **вне связи с массовыми захоронениями** погибших от ран воинов.

Информация о подобного рода социальных действиях скудна – крайне фрагментарно она отражена в изданиях местной периодической печати (газеты «Пермские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости»), практически отсутствует в архивных документах. Это обстоятельство объясняется, помимо характерной для кризисных периодов истории общей плохой сохранностью документов, еще и тем, что сооружение и установка памятных объектов (алтарь, галерея фотографий, крест и т.п.) в уже существующих зданиях не требовали оформления и согласования в строительном комитете губернского правления. Инициаторы сбора пожертвований, как правило, ограничивались решением волостного схода и/или разрешением епархиального начальства. Текущая переписка при этом чаще всего не хранилась и, соответственно, не отложилась в архивном фонде РФ. Сопутствующая документация – список жертвователей, перечень расходных материалов и т.п. – по истечении некоторого времени могла быть также уничтожена как не востребовавшая и потерявшая свою актуальность. Сообщения о создании памятников, посвященных Первой мировой войне, содержащиеся в только единичных рапортах духовенства. В официальной прессе и архивных документах периода зафиксировано несколько десятков фактов подобного рода инициатив, имевших место на территории Пермской епархии.

Геополитическая ситуация 1914-1918 гг. воспринималась как событие исключительного масштаба уже в момент своего развертывания. Официальная пресса рассматривала текущие события в дискурсе «великой Европейской войны», «второй великой отечественной», «великой современной», «настоящей великой» [20, 15 сентября, 14 ноября; 21, 23 апреля, 20 июня, 28 июля; 22, 12 января, 30 января, 12 июля]. Религиозные мыслители, современники событий трактовали ее в духе русского мессианства, в рамках антитезы «Запад-Восток» или «Германия-Россия», в контексте общемирового кризиса культуры [16, с. 118-125, 241-243]. Светская власть, по вполне понятным причинам, концентрировала свое внимание на социально-политическом и экономическом аспектах войны, характеризуя ситуацию в провинции (в нашем случае – в Пермской губернии) как «надвигающуюся катастрофу», «надвигающееся бедствие» [7, д. 95, л. 31 – 31 об.].

Высокая степень вовлеченности в происходящее провинциальное сообщество привела к повышенному интересу к военной проблематике со стороны обывателей. В историографии применительно к ситуации в различных регионах отмечается как регулярное явление массовые крестные ходы и молебны о даровании победы [2, с. 176-179; 3, с. 166-167, 216]. Это позволяет говорить об определенном влиянии духовенства на мировосприятие своей паствы. Соответственно, особое значение для каждого конкретного региона российской провинции приобретала оценка переживаемых событий со стороны местного епархиального начальства.

Епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский) считал, что война носит священный характер. Это наглядно иллюстрирует цитата из его «Слова перед молебном в Рождество Христово» (25 декабря 1914 г.) [24, 1 января]. Что касается восприятия событий духовенством епархии, то оно варьировалось от умеренного религиозно-патриотического до воинственно-мистического. Так, в селе Дворецком Оханского уезда Пермской губернии священник во время проповеди мобилизованным запасным нижним чинам сказал следующее: «На Россию пришла великая беда... также будет и в эту войну, все вы запасные пострадаете из-за того, что не молитесь Богу, и всему этому виновно начальство, которое само забыло Бога и не молится ему...» [8, д. 1293, л. 16]. Степень осознания серьезности и масштабности переживаемого момента епархиальным духовенством иллюстрируют также прилагательные «европейская» и «мировая» [10, д. 19, л. 6, 7 об.] война, употребляемые благочинными, их помощниками, рядовым духовенством в переписке с епархиальным начальством.

Война постепенно превращалась в значимый, священный символ эпохи. Отметим, что в Пермской епархии процесс этот мог идти более интенсивно в силу того, что во главе епархии стоял архиепископ Андроник, личность деятельная и харизматичная [1, с. 44-50; 19; 29, с. 53-61], оказывавшая, несомненно, сильное влияние на местное епархиальное духовенство и мирян. Показательным явлением в этой связи стало сооружение памятников, посвященных павшим землякам-фронтовикам, участникам событий Первой мировой войны, **уже во время войны**. В отличие, например, от Великобритании, где памятники, посвященные Первой мировой войне, появляются с 1920-х гг., уже **по окончании** военных действий [28, с. 97].

Можно выделить несколько форм памятных мест, возникших в пределах Пермской губернии в период Первой мировой войны, посвященных поминовению погибших и умерших от ран воинов. Это, помимо братских кладбищ (обустройство братских кладбищ не является предметом исследования данной статьи), часовни (гора Фавор и деревня Ананьино Осинского уезда) и кресты-памятники (гора Фавор и село Аспа Осинского уезда, село Ослянская пристань Кунгурского уезда, завод Полазна Пермского уезда).

В официальной прессе и отчетной документации местного духовенства содержатся разные по своему объему и информативности сведения о перечисленных выше случаях сбора пожертвований среди местного населения

или торжественного освящения подобного рода мест памяти. Их анализ позволяет систематизировать внешнюю атрибутику события по следующим аспектам: используемая символика; функционирование памятника в пространственно-временных координатах; активные периоды установки памятников [30, с. 236]; церемониал открытия места памяти, отображающий особенности восприятия переживаемого момента населением провинции.

Наиболее показательна в этой связи реализованная инициатива настоятеля Спасо-Преображенского (Фаворского) монастыря, связанная с открытием первого в Пермской губернии места памяти погибших воинов на горе Фавор (Осинский уезд). Игумен Ювеналий выступил с соответствующим ходатайством перед епархиальным начальством в начале 1915 г. Согласно ему, на вершине горы Фавор на добровольные пожертвования прихожан окрестных церквей должен был быть построен алтарь-памятник героям «второй великой Отечественной войны» [21, 23 апреля]. Освящение алтаря-памятника «в честь Воздвижения Креста Господня в память защитников родины, убиенных в великую отечественную войну православных вождей и воинов» было намечено на 23 июня 1915 г.: день Владимирской иконы Божьей матери [10, д. 45, л. 22 – 22 об.].

О статусности мероприятия свидетельствуют его масштабность и процедура освящения часовни. Епархиальное начальство отправилось к месту постройки памятника-часовни уже 20 июня, через Юго-Камский завод. Днем позже из губернского центра после напутственного молебствия до Еловской пристани (около 200 км от г. Перми) на пароходе общества «Кавказ и Меркурий» отправился крестный ход, духовенство и богомольцы. Во время пребывания крестного хода на пароходе духовенством было совершено всенощное бдение при общенародном пении. По прибытии на станцию Елово в 6.30 утра 22 июня 1915 г. крестный ход отправился далее в Фаворский монастырь. В тот же день к месту освящения алтаря-памятника прибыл епископ Пермский и Соликамский Андроник.

К моменту духовного торжества, помимо крестных ходов из 14 населенных пунктов Пермского, Оханского и Осинского уездов [21, 29 июня], на горе Фавор присутствовало монашеское и белое духовенство: епископ Пермский и Соликамский, ректор Пермской семинарии, настоятель Фаворского монастыря, благочинный церквей 1 округа Пермского уезда, уездные миссионеры, настоятели церквей. Отметим, что представители светской власти на торжестве отсутствовали (по крайней мере, в официальной прессе их участие не зафиксировано) [21, 20 июня, 21 июня, 29 июня; 23, 21 сентября].

Перед освящением алтаря-памятника «героям-воинам русской доблестной армии за Царя и Родину живот свой положившим на поле священной брани с диким и озверелым врагом» [21, 29 июня] вечером 22 июня 1915 г. епископом Пермским и Соликамским было совершено торжественное всенощное бдение. Затем, 23 июня, по монастырскому колоколу, в 8 часов утра, – литургия и торжественное молебствие о «даровании победы русскому оружию и оружию союзных с нами держав» (в сослужении с ректором семинарии и настоятелем Фаворского монастыря). После этого епископ произнес воодушевленную патриотическую речь. По окончании церемонии от имени участников события были отправлены телеграммы: Николаю II с выражением верноподданнических чувств и сообщением об освящении церкви «в память воинов-мучеников настоящей священной войны»; верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу; начальнику Пермской губернии – о состоявшемся торжестве [23, 11 июля].

Повторяемость события была заложена через год, когда в июне 1916 г. на вершине Фаворской горы состоялось второе знаковое церковное торжество, связанное с сохранением исторической памяти о текущих геополитических событиях – освящение памятника-креста высотой 7 сажен, посвященного «...всем павшим на поле брани» [22, 12 июля]. Масштаб и порядок проведения мероприятия, как и годом ранее, выводили его на общегубернский уровень. Участниками стали верующие трех уездов губернии (Осинского, Оханского и Пермского) из 11 населенных пунктов, в том числе из г. Перми и Мотовилихинского завода [Там же, 12 июля, 19 июля]. Определить численность богомольцев можно весьма приблизительно, т.к. цифры, приводимые в периодической печати, фрагментарны и сильно разнятся. Официальная пресса сообщала об отъезде из г. Перми до 200 желающих принять участие в мероприятии. Частное лицо, непосредственно участвовавшее в поездке, насчитало около 90 человек пермских паломников [24, 1 июля]. Численность крестных ходов из остальных населенных пунктов неизвестна. Тем не менее, цифры, приведенные в периодической печати относительно приехавших в Фаворский монастырь из Перми, позволяют оценивать освящение памятника-креста как весьма масштабное мероприятие.

Помимо верующих в торжественном событии принимало участие духовенство: епископ Пермский и Соликамский, бывший и действующий ректоры Пермской духовной семинарии, монашеские из Фаворского монастыря во главе с настоятелем, церковно- и священнослужители окрестных церквей. Деятельное участие в организации мероприятия, по всей видимости, принимало Пермское епархиальное общество трезвости, поскольку один из участников событий охарактеризовал пермскую делегацию как «паломничество трезвенников» [Там же]. Порядок проведения мероприятия, как и в 1915 г., отличался торжественностью и повторял церемониал предыдущего [22, 12 июля; 24, 1 июля].

Присутствие на освящении памятника-креста должностных лиц уездного и губернского уровней в периодической печати и архивных материалах не зафиксировано. Можно лишь предположить, что отдельные представители волостного уровня власти и самоуправления участвовали в торжестве в частном порядке. Следует особо отметить посещение места памяти, расположенного на Фаворской горе, пермским губернатором М. А. Лозина-Лозинским, состоявшееся в рамках служебной поездки по хуторам Еловской волости Осинского уезда [22, 21 июля].

Схожие ритуалы наблюдались в других населенных пунктах [21, 28 июля, 19 ноября; 22, 23 июня, 29 июня; 24, 1-11 мая]. Памятные кресты и часовни изготавливались на средства, поступившие от добровольных пожертвований прихожан. Сохранилось описание планируемого к возведению памятника-часовни (село Ананьино

Осинского уезда): «...деревянная пятиглавая памятник-часовня, внутри которой устроить на определенном месте две железные доски в виде скрижалей с надписью: “Дорогим нашим братьям, православным воинам, на поле брани за веру, Царя и отечество живот свой положившим”. Ниже – имена, отчества, фамилии убитых однодеревенцев» [22, 30 января].

Внешний вид памятников-крестов в заметках корреспондентов подробно (за исключением памятника на горе Фавор [24, 12 июля]) не описывался. Упомянулось, что высота подобного рода сооружений достигала 3 сажень в высоту. Сами кресты делались из дерева, оббитого железом.

Церемонии открытия памятных мест приурочивались к церковным праздникам: 23 июня 1915 г. – день празднования Владимирской иконы Божьей матери (гора Фавор, Осинский уезд); 8 июля 1915 г. – день явления Казанской иконы Божьей матери (село Аспа, Осинский уезд).

Церемония сопровождалась крестными ходами из окрестных деревень; праздничным богослужением (всенощное бдение, литургия, молебен о скорейшем даровании победы); беседами на богословские и военные темы; сбором пожертвований на военные нужды.

Общее количество участников события корреспондентами оценивалось в 500-600 человек: «во главе с местным причтом почти всеми многочисленными прихожанами обширного прихода» [Там же, 28 июля]. Событие при этом воспринималось как праздник: «скромное церковно-патриотическое *торжество*» (*курсив автора статьи – Ш. Ю.*), «особой *торжественностью*», «*торжество*», «*торжественное шествие*».

Психологический настрой присутствовавших свидетельствовал о наличии у участников ярко выраженного чувства сопричастности к происходящему: «общенародная горячая молитва» (с. Аспа), «огромная толпа молящихся... стихла и настала мертвая тишина... У многих на глазах были слезы...» (завод Полазна) [22, 23 июня].

В ряде случаев корреспонденты зафиксировали существующую (село Ананьино Осинского уезда [24, 11-21 марта]) и планируемую (село Аспа Осинского уезда [Там же]) повторяемость события. В отдельном эпизоде – село Ананьино Осинского уезда – речь шла о переименовании места поклонения: «гору “Кленники” назвать “Гора поминоения” православных воинов и сродников по плоти» [22, 30 января].

Такие места памяти как обособленные памятники-кресты или часовни возникали в сельской местности, чаще всего за пределами населенного пункта, на возвышенности (гора Фавор, с. Ананьинское – гора «Кленники», с. Аспа – «Плитовая» гора) в период 1915-1916 гг. Выбор формы устанавливаемого памятника, пространственно-временные координаты ритуала создавали ассоциативное поле у участников события. Место памяти приобретало культовое, религиозное значение и упорядочивало пространство сельской местности.

Согласимся с мнением С. Каплана, что «давние религиозные убеждения, символы и ритуальные деяния способны предложить ключ к пониманию» [12, с. 183] происходящего. Используемая символика – форма памятника (Крест Голгофа – символ победы, награды, очищения от греха) или день проведения ритуала (дни Казанской и Владимирской икон Божьей матери, образы которых поднимали тему страданий и предвидения будущего [4, с. 326]) – актуализировали образно-смысловую связь символов христианства с эмоциональным восприятием текущих событий. Православными россиянами иконы Казанской и Владимирской Божьей матери и дни их празднования воспринимались, кроме того, как символы избавления государства от внешней опасности и агрессии [14, с. 267, 272].

Символика и порядок открытия места памяти позволяют говорить о значительной роли епархиального духовенства в инициировании подобных практик периода Первой мировой войны. Позиция представителей светской власти на местах – одновременно крайняя заинтересованность в регулировании социального поведения граждан с помощью морально-этических ориентиров и определенная дистанцированность от религиозно-патриотического действия – способствовала закреплению за Православной Российской Церковью роли этого регулятора.

Список источников

1. **Агафонов П. А.** Епископы Пермской епархии. 1383-1918. Пермь: Арабеск, 1993. 64 с.
2. **Алехин Д. В.** Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 г.): дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2003. 266 с.
3. **Белова И. Б.** Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 г. (по материалам Калужской и Орловской губерний): дисс. ... к.и.н. Калуга, 2007. 277 с.
4. **Бельтинг Х.** Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 748 с.
5. **Булавин М. В.** Взаимоотношения государства и православной церкви в России в 1917-1927 гг. (на примере Урала): дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2000. 370 с.
6. **Вяткин В. В.** История Пермской епархии в IX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дисс. ... к.и.н. Пермь, 2005. 316 с.
7. **Государственный архив Пермского края (ГАПК).** Ф. 36. Оп. 5.
8. **ГАПК.** Ф. 65. Оп. 1.
9. **ГАПК.** Ф. 442. Оп. 1.
10. **ГАПК.** Ф. 664. Оп. 1.
11. **Диалог о книге: О. Р. Айрапетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917)** // Российская история. 2015. № 2. С. 142-171.
12. **Каплан С.** Воздвижение Креста Господня и свержение императора Эфиопии: лидж Иясу и драма во время праздника Мэскэль // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 182-197.
13. **Князева О. Р.** Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905-1917 гг. (на примере епархий Пермской губернии): дисс. ... к.и.н. Пермь, 2000. 218 с.
14. **Колесникова В. С.** Православный храм. Символика и традиции. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 543 с.

15. **Крайкин В. В.** Первая мировая война в восприятии крестьян (по материалам Орловской губернии): дисс. ... к.и.н. Брянск, 2009. 239 с.
16. **Милованов А. В.** Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей (1914 – февраль 1917 г.): дисс. ... к.и.н. Саратов, 1999. 277 с.
17. **Мордвинов Г. В., Сибгатуллина И. Ф.** Первая мировая война и исторические судьбы народов России (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70). С. 220-225.
18. **«Неизвестная» Первая мировая война:** материалы «круглого стола» // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 8 (136). С. 7-19.
19. **Нечаев М. Г.** Страсти по Андронику: жизнеописание и подвиг новомученика. Пермь, 1996. 32 с.
20. **Пермские губернские ведомости.** Пермь, 1914.
21. **Пермские губернские ведомости.** Пермь, 1915.
22. **Пермские губернские ведомости.** Пермь, 1916.
23. **Пермские епархиальные ведомости.** Пермь, 1915.
24. **Пермские епархиальные ведомости.** Пермь, 1916.
25. **Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис** / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
26. **Сафонов Д. А.** Первая мировая война в провинции (на материалах Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 3. С. 57-65.
27. **Семенова Е. Ю.** Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественное настроение и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 – февраль 1917 г.): автореф. дисс. ... д.и.н. Саратов, 2013. 50 с.
28. **Смирнова Т. А.** Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. I. Гуманитарные науки. № 4. С. 95-98.
29. **Собор святых в земле Пермской просиявших** / сост. монахиня Сергия (Королева); РО «Пермская епархия Русской Православной Церкви (Московский патриархат)». Пермь: Пермская епархия Русской Православной Церкви, 2015. 363 с.
30. **Стрельникова А. В.** «Места памяти» в городском пространстве // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 231-238.

MONUMENTS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE RUSSIAN PROVINCE (BY THE MATERIALS OF PERM EPARCHY)

Shuvalova Yuliya Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Pryanishnikov
schuwaljul@mail.ru

In the article facts of unveiling monuments dedicated to fellow countrymen, who died at the front during the First World War, within the territory of Perm eparchy are considered. Documentary sources allow analyzing the procedure of unveiling a monument-symbol. The ceremony was standard, connected with Christian symbolism and it was characterized by mass character and solemnity of the ceremonial side. The author emphasizes a special role of the eparchial clergy in the event line – from the idea of creation, collection of funds until the moment of consecration of a monument and planned annual religious ceremonies.

Key words and phrases: World War I; monuments; eparchial clergy; ritual; Christian symbolism; Perm eparchy.

УДК 116; 168.5

Философские науки

В статье демонстрируется тождество целей математики и метафизики Нового времени на примере одного из математических открытий Р. Декарта – переменного исчисления. Необходимость объединения целей наук обусловлена, в частности, особым отношением к природе, которая в Новое время приобретает предикат изменчивости. Автор интересуется методом переменного исчисления и демонстрирует, что тот используется не только в математике, но применяется к научному знанию в целом, обеспечивая возможность теоретической работы с изменчивостью природы.

Ключевые слова и фразы: метод; переменное исчисление; изменчивость; мышление; бытие.

Шутова Татьяна Николаевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
shuttat@mail.ru

МЕТОД ПЕРЕМЕННОГО ИСЧИСЛЕНИЯ В ПРИМЕНЕНИИ К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

Одним из первых, кто применил переменное исчисление, был Рене Декарт. Известно, что точные и естественные науки были главной страстью Декарта, а философские рассуждения он записывал изредка, осмысляя свое существование, свою деятельность и мир. Нетрудно тогда предположить, что концепции и понятия, используемые в естественных и точных науках, имеют свое продолжение и, пусть имплицитное, осмысление в его философских трудах. Мы займемся выявлением значения переменного исчисления: и в смысле референции с предметом действительности, и в смысле оценки данного понятия. Мы предполагаем, что